

STUDIA PHILOLOGICA

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

Л. Л. КАСАТКИН

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Том I

2-е издание

Издательский Дом ЯСК
Языки славянской культуры
Москва 2018

ББК 81.2Рус-1
УДК 811.161.1
К 28

Касаткин Л. Л.

К 28 Избранные труды. Т. I. — 2-е изд. — М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2018. — 608 с., ил. — *(Вклейка после с. 16.)* — (Studia philologica.)

ISBN 978-5-94457-327-8 (т. I)

ISBN 978-5-6040195-5-9

Эти Труды, т. I, написаны Л. Л. Касаткиным в XX веке и являются продолжением книги Л. Л. Касаткина «Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка» (М.: Наука: Школа «Языки русской культуры», 1999).

Книга содержит новые исследования автора в области фонетики, орфоэпии, фонологии, орфографии.

Для специалистов в области современного русского литературного языка, преподавателей вузов, аспирантов и студентов филологических факультетов.

УДК 811.161.1

ББК 81.2Рус-1

ISBN 978-5-94457-327-8

9 785944 573278 >

© Л. Л. Касаткин, 2017

© Издательский Дом ЯСК, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	9
I. Фонетика	117
Особенности восприятия звуков речи, выступающих в разных фонетических позициях	119
Аффрикаты на месте взрывных согласных перед щелевыми в русском языке.....	125
Совмещённые звуки	131
Русская интонация: тональные контуры	133
Межфразовые связи в тексте спонтанной речи.....	148
II. Орфоэпия	157
Предмет орфоэпии	159
Орфоэпема как основная единица орфоэпии	165
Орфоэпические позиции	175
Плотное и неплотное соединение морфем в слове.....	191
Процесс отвердения согласных перед мягкими согласными в современном русском языке (С'С' > СС')	219
Произношение сочетаний <i>ea, ia, eo, io, zo</i> в современном русском литературном языке	254
Основные принципы «Большого орфоэпического словаря русского языка».....	262
Орфоэпические правила	276
Предмет орфоэпии	276
Гласные.....	280
Соотношение <i>и</i> и <i>ы</i>	280
Безударные гласные.....	281
Иканье и эканье.....	281
Звуки на месте <i>е, о, а</i> после <i>ж, ш, ц</i> в 1-м предударном слогe ...	281
Звуки на месте <i>ы</i> , а также <i>и</i> после <i>ж, ш, ц</i>	282
Звуки на месте <i>у, ю</i>	285
Влияние на [э] соседних гласных.....	288
Выпадение [э] между щелевыми согласными	288
Звуки [и], [й] и нуль звука на их месте между глухими согласными	289
Произношение заударного сочетания <i>-тель-</i>	290

Сочетания гласных	293
Сочетания <i>aa, ao, oa, oo</i>	293
Сочетания <i>ae, ai, aэ, oe, oi, oэ</i>	301
Сочетания <i>ea, ia, eo, io, эo</i>	315
Сочетания <i>eu, iу</i>	329
Сочетания <i>ya, yo, ya, yo</i>	333
Сочетания трёх гласных	334
Гласные в клиниках и словах сложной структуры	339
Согласные	344
Качество отдельных согласных	344
Звуки на месте /т', /д'/	344
Звуки на месте <i>ш, ж</i>	344
Звуки на месте <i>г</i>	345
Твёрдый [р] и мягкий [р'] после <i>e</i> между согласными	345
Звуки на месте /j/	346
Твёрдость / мягкость согласных перед мягкими согласными	363
Сочетания двух согласных	364
Сочетания трёх и более согласных	412
Двойные согласные	423
Другие сочетания согласных	446
Сочетания <i>тц, дц, тч, дч</i>	446
Сочетания <i>тц, дц</i>	446
Сочетания <i>тч, дч</i>	447
Сочетания <i>тиц, диц</i>	449
Сочетания [ш'ш'] — [ш'ч']	450
Сочетания [ж'ж'] — [жж]	451
Свистящие согласные перед шипящими	451
Сочетание <i>си</i>	452
Сочетание <i>чи</i>	452
Сочетание <i>г</i> с глухими согласными	453
Упрощение групп согласных	453
Произношение заимствованных слов	455
Произношение служебных морфем и отдельных грамматических форм ...	457
Приставки	457
Суффиксы	465
Окончания и постфикс	466
Конец основы прилагательных	470
Ударение	471
Существительные	472
Прилагательные	477
Глаголы	481
Дополнительное ударение	486
Ударение в предложных сочетаниях	491

III. Фонология	503
Фонема как двусторонняя языковая единица	505
Архифонема	518
Парадигма фонемы	524
Морфонема и суперфонема.....	526
Два типа сигнификативно слабых позиций и некоторые согласные суперфонемы русского литературного языка.....	530
Фонологическое содержание долгих мягких шипящих [ш':], [ж':] в русском литературном языке	541
IV. Орфография	549
О морфематическом принципе русской орфографии	551
Проект правила слитного написания приставок с корнем у наречий	557
V. Фонетисты	561
Сергей Игнатьевич Бернштейн.....	563
Михаил Викторович Панов.....	565
Александр Александрович Реформатский	567
Александр Александрович Реформатский	570
Литература	577

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ*

I

Ах, дни прошедшие, меня вы маните,
Дни вёсен, осеней и лет...
Пройдёте вы и в вечность канете,
Кого обрадуете, кого обманете,
Во мне ж оставите неизгладимый след.

Л. Л. Касаткин (1918 г.)

Мой отец, Леонид Леонидович Касаткин, родился в городе Балашове Саратовской губернии в 1895 г. Его отец — Леонид Герасимович Касаткин, военный, подполковник, надворный советник, дворянин, мать — Елизавета Васильевна Касаткина, в девичестве Мария-Анна-Елизавета Якоби (при замужестве и переходе в православие по правилам того времени ей присваивалось одно имя), дочь Василия Фёдоровича (Вильгельма-Фридриха) Якоби — агронома, управляющего имением богатого помещика Лежнева на хуторе Старо-Еланском на берегу реки Еланки в тридцати верстах от г. Балашова — и Ольги Фёдоровны Якоби (в девичестве Гинце) — заведующей скотным двором и молочным хозяйством этого имения. В имении Лежнева было много коров, птицы — огромный птичий двор. В Москве, в Охотном ряду, у Лежнева была лавка, туда и возили возами битую и замороженную птицу, мясо. В имении у Лежнева была большая конюшня, псарня — охотились с собаками.

В связи с назначениями Л. Г. Касаткина семья жила в разных городах на Волге: в Камышине, Самаре, Саратове, Астрахани, Вольске.

В детстве у моего отца проявились способности к рисованию, и в 1914 г. после окончания реального училища он блестяще сдаёт экзамены и принят сразу в 3-й «головной» класс известного художественного училища технического рисования А. Л. Штиглица в Петербурге.

Началась Первая мировая война. Л. Л. Касаткин с 1 мая 1915 г. учится в Московском Алексеевском военном училище [см. Нечаев 1964], которое оканчивает 1 сентября того же года офицером — прапорщиком (современный младший лейтенант), попадает на юго-западный фронт, служит в полку Александра I, участвует в боях на реке Стырь. В 1917 г. он уже в чине штабс-капитана артиллерии (современный капитан).

* Первые публикации: *Касаткин Л. Л. Мои родители // Проблемы фонетики (и не только). VI / К 85-летию Л. Л. Касаткина / Отв. ред. М. Л. Каленчук, Д. М. Савинов. М.: АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2014. С. 410–415, + 8 с. фотографий; Касаткин Л. Л. История одной семьи // Новый мир. 2016. № 3. С. 9–74.*

В 1918 г. Касаткин живёт какое-то время в Вольске, потом у сестры в Пензе. В июле 1918 г., во время мятежа левых эсеров, Касаткин в Москве скрывается от ареста у своих тёток в Большом Козихинском переулке, прибежав к ним после вооружённого столкновения с большевиками у Никитских ворот.

В 1919 г. он вновь в Пензе, потом в Вольске, откуда уезжает в Сибирь. Всю дорогу проехал верхом на лошади. В 1920–1922 гг. Касаткин в Чите вместе с женой Ольгой Ивановной Бедняковой. По словам моей матери, он — товарищ (т. е. заместитель) министра просвещения правительства Дальневосточной республики, часть которого составляли эсеры.

Как указывает А. В. Ганин, Л. Л. Касаткин относился к «сравнительно небольшой группе бывших офицеров Генерального штаба, олицетворявших интеллектуальную элиту старой армии, её “мозг”». Он был начальником организационно-мобилизационного управления Народно-революционной армии Дальневосточной республики [Ганин 2016: 10, 325].

После входа войск большевиков в Читу Касаткин арестован 21 октября 1922 г., ему объявлено, что он высылается в Советскую Россию. Группа высланных ехала в одном вагоне. В поезде едут свободно, но после пересечения границы Дальневосточной республики в вагон входят солдаты, Касаткин вновь арестован, снят с поезда. Затем тюрьма в Иркутске и Ярославле. Приговор 5 января 1923 г. — 3 года заключения в концлагере, и отправлен на Соловки. Он — в числе первых заключённых Соловецкого лагеря особого назначения — СЛОНа.

О дальнейшей его жизни знаю отчасти по воспоминаниям Екатерины Львовны Олицкой [Олицкая 1971], попавшей на Соловки в следующем, 1924 г., отчасти по его письмам сестре в Пензу, рассказам моей матери и её знакомых. В СЛОНе Л. Л. Касаткин был участником протеста эсеров и анархистов против ужесточения режима лагеря и расстрела протестующих 19 декабря 1923 г., когда специально присланная команда открыла огонь по заключённым Савватьевского скита. Шесть человек было убито, двое — ранено. А затем Л. Л. Касаткин участвовал и в массовой 15-дневной голодовке, проводившейся во всех трёх скитах, где были политзаключенные: в Савватьеве, Муксалме и Анзерке — на трёх соловецких островах.

7 августа 2013 г. в Соловках «Мемориалом» был открыт памятник узникам соловецких политскитов 1923–1925 гг., а в Савватьеве установлен памятный знак с именами погибших во время савватьевского расстрела 19 декабря 1923 г. Низкий поклон всем участникам этой акции.

Екатерина Олицкая в своих воспоминаниях дважды упоминает Касаткина, пишет о нём как о «замечательном художнике» Савватьевского скита. Молодёжь организовала художественную самодеятельность, в бывшем здании часовни разыгрывали спектакли, Касаткин обладал широкими знаниями в разных областях искусства, науки, техники. В СЛОНе проявились его художественные способности: он писал пьесы, по которым разыгрывались спектакли, вместе с другим художником создавал к ним декорации, костюмы из тех скудных средств, которые у них были. И там, и позднее писал стихи.

В 1924 г. на Соловки была сослана и Мина Германовна Опескина, будущая моя мать. М. Г. Опескина родилась 17 августа 1903 г. в Одессе. В 1913 г. поступила

в музыкальную школу, которую окончила в 1917 г. В этом же году окончила с золотой медалью классическую гимназию и в 1918 г. — 8-й, педагогический класс. В 1921 г. начала работать воспитательницей в детском городке. В 1922 г. поступила на старший курс фортепианного отделения широко известной Одесской консерватории, в 1923 г. училась на 4-м курсе.

У молодой весёлой девушки много друзей. Собирается компания. Разговоры, конечно, и о политике. В Одессе начала 1920-х г. множество различных политических течений, направлений, групп. М. Г. Опескину вызывают в ГПУ. По ходу допроса предложение — стать тайным осведомителем, сексотом (секретным сотрудником), сообщать о своих друзьях — о чём говорят, что думают. Девушка в резкой форме отказывается. В результате как член социал-демократической партии меньшевиков арестована. Когда пришли с обыском, ей удалось спрятать запрещённую литературу под матрац парализованной матери, которую не тронули. Но и не найдя ничего крамольного, Мину Опескину увели, судили и приговорили к двум годам Соловков. Было ей тогда двадцать лет.

В СЛОНе она была на Анзерке, Муксалме и потом в Савватьева, познакомилась там с Касаткиным, участвовала в спектаклях в качестве музыканта, создавала музыкальное сопровождение, играя палочками на подвешенных бутылках с водой. Заранее настраивала их на определённое звучание.

В 1925 г. политзаключённых с Соловков перевели в тюрьму в Верхнеуральске. Там Мина Опескина получила назначение в ссылку в Пишпек (позднее город Фрунзе, затем Бишкек) — столицу Киргизии. На стене камеры она написала об этом. Случилось так, что в эту же камеру затем перевели Касаткина. Он заявил, что Опескина — его жена, и попросил то же назначение. Так они встретились в Пишпеке, поженились, и там в конце 1926 г. родился я. По желанию матери, очень любившей моего отца, меня тоже назвали Леонидом.

Когда Мина Опескина ехала в ссылку, у неё была пересадка на другой поезд в Ташкенте. Время между поездами — 10 часов, и Опескина пошла по данному ей адресу к жившей в Ташкенте и ранее ей незнакомой ссыльной меньшевичке. Та приняла её очень хорошо, накормила, дала продуктов с собой. А по приезде в Пишпек Опескина написала открытку с благодарностью за приют, сообщила, что доехала благополучно. Через некоторое время у этой ташкентской ссыльной был произведён обыск, изъята вся корреспонденция, и Опескину за меньшевистские связи приговорили к новой ссылке — в Зырянский край — Усть-Сысольск, центр автономной области коми-зырян (с 1930 г. Сыктывкар). Но в связи с тем, что Опескина была беременна, по ходатайству её и её мужа новую ссылку отложили до рождения ребёнка. Потом было получено и разрешение на сопровождение её мужем. В 1927 г. выехали в Усть-Сысольск уже втроём. В 1928 г. Л. Л. Касаткин был вынужден вернуться в Пишпек из-за отсутствия работы для него в Усть-Сысольске, а в 1929 г. в Пишпек вернулась и М. Г. Опескина-Касаткина с сыном.

Уже в эти годы закладывалась новая общественная мораль, в полной мере утверждённая сталинскими репрессиями: всякая помощь осуждённому, в том числе и помощь друг другу, — это преступление. Милосердие, всегда свойственное нравственно здоровому обществу, становилось наказуемым.

Ссылные во Фрунзе жили в трудных условиях. Помощи многим из них ждать было неоткуда. Надо было рассчитывать только на себя. Среди ссыльных возникло нечто вроде кассы взаимопомощи. Собранные деньги отдавались тому, кто в них особенно нуждался. Но касса взаимопомощи — это помощь осуждённым. Кроме того, это уже организация. Допустить этого ГПУ никак не хотело. И когда ему об этом стало известно, все, имевшие отношение к этой кассе взаимопомощи, были наказаны. Мой отец, бывший её кассиром, вновь арестован и приговорён ОСО КОГПУ 23 декабря 1930 г. по статье 58-11 за «антисоветскую деятельность» к одному году лишения свободы — политизолятора, т. е. тюрьмы. В 1932 г. он вернулся во Фрунзе.

Мы с матерью жили в это время в маленькой комнатке в полуподвале, где помещались только наша с ней кровать, тумбочка и табуретка. Я сидел за тумбочкой и что-то рисовал и вдруг с удивлением увидел, как к нам по каменным ступеням, ведущим в комнату, спускается какой-то незнакомый заросший, бородатый мужчина, радостно улыбается нам, а мать бросается к нему и обнимает его. Это был мой отец.

В первые годы жизни во Фрунзе отцу пришлось сменить несколько профессий. Одно время он работал геодезистом. Помню, как ходил он с рейкой и теодолитом, даже разрешал мне иногда в него заглядывать. Но любимым его делом была живопись. Он писал мою мать, меня, к нам домой приходили позировать ему какие-то люди. Нередко он брал меня с собой на этюды.

В те годы город кончался сразу за железной дорогой. А дальше, между городом и горами, шло поле. Весной всё оно было покрыто жёлтыми тюльпанами. Сюда часто ходил отец, чтобы перенести на холст частичку красоты окружающего нас мира. Помню, как однажды мы с ним дошли до гор, поднялись, и там он начал рисовать. Неожиданно пошёл дождь, и нас приютили киргизы, раскинувшие невдалеке свои юрты. Помню, с каким радушием они угощали нас своей едой и кумысом.

В следующие годы главным занятием отца стала живопись. Он много писал и портреты, и пейзажи, вся наша квартира (а мы уже жили в более просторной двухкомнатной квартире) была увешана его картинами. Фотографии их время от времени помещались в местных газетах. Вместе с С. А. Чуйковым он участвует в организации Союза художников Киргизии, был его секретарём, создаёт художественное училище, где преподаёт и сам. Многие художники Киргизии, в том числе и прежний председатель правления Союза художников Киргизии Г. Айтиев, — его ученики. Он участвует в создании Киргизской государственной картинной галереи, где висели и его картины. В 1937 г. несколько месяцев отец был директором этой галереи.

Ребёнком я не мог оценить по-настоящему его человеческих и профессиональных качеств. Но люди, знавшие отца и рассказывавшие мне о нём, считали его человеком незаурядным. Поразительны были его знания из разных областей искусства, науки, техники. Его художественные способности проявлялись не только в живописи. Он писал пьесы, стихи, был прекрасным рассказчиком.

Одно время он увлекся работой с детьми в созданном им в детдоме кукольном кружке. Кукол делал сам. Помню, как он лепил из глины головы, делал с них гипсовые слепки, по которым из папье-маше создавал фигурки. Их он раскрашивал, делал

костюмы, учил этому членов кружка. Дети были очень увлечены этим делом. Сам же писал сценарии постановок и играл вместе с детьми в созданных им спектаклях.

Ольга Васильевна Игнатъева, его тётка, работавшая во время Отечественной войны в госпитале, пишет в письме к его сестре Валентине Леонидовне Архангельской 27 июня 1942 г.: «Валюша, недавно лежал у нас больной, он из Фрунзе, художник, хорошо знает Лёшу, учился у него, очень хвалил как художника и как человека — знает его судьбу».

С февраля 1926 г. по 11 августа 1937 г. М. Г. Касаткина проработала (с небольшим перерывом) в Киргизском музыкально-драматическом театре, переименованном затем в Киргизский государственный театр оперы и балета, в должности концертмейстера-пианиста. С февраля 1932 г. по апрель 1937 г. она работала также в должности пианистки в радиостудии Фрунзенского радиоузла.

Меня не на кого было оставлять дома, и мать часто брала меня с собой на работу. Во время репетиций, а иногда и во время вечерних спектаклей она укладывала меня на матрасик под рояль, где я мирно спал, несмотря на громкие звуки музыки. Однажды я проснулся в студии радиоузла во время передачи и громко потребовал при включённом микрофоне: «Мама!» Меня тут же вынесли, знакомые говорили потом, что узнали меня по голосу. Когда я подрос, мать стала меня учить игре на пианино. К сожалению, эти занятия я вскоре должен был оставить.

В 1935 г. в Ленинграде проходил Всесоюзный конкурс пианистов. Представляла Киргизию на этом конкурсе М. Г. Касаткина. Мы с отцом поехали с нею до Москвы и остановились там у его тёти Нины Васильевны Телепневой, сестры его матери, занимавшей комнату в коммунальной квартире. Съездили на несколько дней в Горький, где тогда жила другая его тётя — Ольга Васильевна Игнатъева. Они принимали большое участие в его жизни с самого детства. Они же и в моей дальнейшей судьбе сыграли важную роль.

Пока мать ездила в Ленинград, отец в Москве занимался делами Союза художников Киргизии. Однажды он взял меня с собой в гости к С. А. Чуйкову, с которым был очень дружен и который в то время жил в Москве. Их связывало общее дело — создание Союза художников Киргизии.

Жизнь моих родителей была нелёгкой. Материальные трудности, особенно в первые годы жизни во Фрунзе, были немалые. Помню, как отец и мать экономили каждую копейку. Краски, холст, кисти — всё это стоило денег, да и купить в те годы это было непросто. Однажды, когда мне было лет пять, в отсутствие родителей я взял отцовы краски и кисть и решил нарисовать картину. Помню отчаяние матери, пришедшей домой и обнаружившей, что краски в тюбике, который отец недавно купил с таким трудом, осталась половина. Но никакие трудности быта не могли нарушить светлой и радостной атмосферы в семье, большой любви, уважения и согласия между отцом и матерью.

5 июня 1937 г., в воскресенье, мы всей семьёй — отец, мать и я — отправились на базар. Через три дня — день рождения отца, и родители хотели купить фрукты, зелень, чтобы отметить этот день. С нами был товарищ отца художник Александр Илларионович Игнатъев. Возвращались все вместе.

В полуквартале от нашего дома А. И. Игнатъев задержался у больницы навестить лежавшую там жену, а мы пошли дальше. Отец и мать вошли во двор и в дом, а я стал мыть в арыке пыльные босые ноги. Вдруг стремительно возвращается мать: «Беги, предупреди Александра Илларионовича: у нас обыск». Хотя прошло много лет, отчётливо помню бледное, окаменевшее от этого известия лицо А. И. Игнатъева.

Жили мы тогда на Киргизской улице (ныне ул. Орозбекова), в небольшом доме под камышовой крышей. В комнате родителей и крохотной кухоньке земляные полы. Большую часть моей комнаты, незадолго до этого пристроенной к кухне, занимало пианино, за которым долгие часы проводила мать — профессиональная пианистка. Комната отца с матерью — и спальня, и мастерская отца одновременно. Здесь стоял его мольберт, на стенах — много его картин.

Обыск длился недолго: вещей у нас было мало, смотреть было нечего. Проводившие обыск захватили с собой, кроме писем и личных бумаг, две книги по живописи на немецком языке. Отец свободно читал по-немецки, а сотрудники НКВД не могли на месте установить степень криминальности этих книг. Увели и отца. Я вышел на улицу и долго смотрел им вслед. Помню, как шёл он, взвалив на плечи матрас, высокий, худой, по бокам двое сопровождающих. Было ему тогда 42 года.

В этом году я окончил 2-й класс школы. За успехи в учёбе и общественную активность (я был старостой класса) я был награждён путёвкой в Артек. И вдруг арест отца. Мать не решилась отправить меня так далеко от дома, путёвку мне заменили другой путёвкой — на горный курорт недалеко от Фрунзе. Но пробыл я там всего неделю. Неожиданный вызов к главврачу, сказали: «Звонила мать, будет звонить ещё. Жди». Через некоторое время звонок. Мама: «Назначили день суда. Приезжай сразу же». Но суд в этот день не состоялся: отложили, затем ещё раз назначили и опять отложили.

С отцом у нас было два свидания в тюрьме. Первое свидание проходило в комнате, разделённой двумя решётками, между которыми ходил надзиратель. Отец по ту сторону решёток, мы с матерью — по эту. Идя на это свидание, я срезал для отца все лучшие цветы, которые вместе с ним мы посадили и выращивали у нас во дворе. Но букет у нас не взяли: не положено. Я мог лишь показать отцу этот букет через две решётки. Потом мать объяснит мне, почему не приняли цветы: боялись, что в них может быть спрятана записка или другие «недозволенные» предметы. Помню поразившую меня проверку передачи, принесённой матерью. Разламывалось, крошилось всё съестное, прощупывались все носильные вещи. В этих деталях реализовалось для меня новое наше положение.

Известно, что мелочи могут производить гораздо большее впечатление, чем значительные, серьёзные вещи. Многие события моей жизни я забыл. Многие — важное, о чём нередко сожалею. Но пальцы тюремщика, копающиеся в нашей передаче отцу, ясно помню. Остался в памяти тот ужас и отвращение, которое я испытывал тогда к этим равнодушным, нечистым рукам, перебиравшим, кромсавшим любовно собранное нами.

Второе свидание было совсем иным. Оно почему-то проходило в комнате надзирателей. Нам сдвинули три стула в углу, и мы сидели колени в колени. Следивший

за нами тюремщик отвлекался, отходил от нас, в комнате было много других людей, громко говоривших, занятых своими будничными обязанностями, и мы могли говорить откровенно.

Отец, предвидя арест матери, сказал: «Бери сына и уезжайте как можно скорее, тебя тоже должны арестовать». Мать очень любила его, не могла его бросить даже в этих условиях и ответила: «Пока я хоть чем-нибудь могу тебе помочь или хотя бы узнавать о тебе, не уеду». Тогда она надеялась и на то, и на другое. Но свидание это было последним, и последними были сведения об отце.

Теперь, после тех страшных десятилетий, мы знаем, что таким образом действительно можно было избежать ареста. Хватали тех, кто рядом, кто под рукой. Разыскивать уехавших было некогда, а времени у арестовывавших не было: им нужно было выполнять план по валу.

У отца была замечательная способность — он мог насвистывать разные мелодии из опер, симфонической музыки разных композиторов. Но часто высвистывал он и очень простую мелодию — всего четыре ноты, это были как бы его позывные: «Это я, я иду, скоро буду». Услышав эти звуки, мы с мамой бежали к дверям на встречу с ним, понимали, что он уже недалеко и даёт нам сигнал, радуясь, что вот-вот мы все будем вместе. Часто он брал меня в горы на этюды. Я, постояв возле него, мог отойти за какой-нибудь ящерицей, полевой мышкой, разглядывал муравейники, собирал цветы, а он время от времени посвистывал этим своим характерным свистом, призывая меня не уходить далеко. И я отвечал ему точно так же, мол: «Я тут, не беспокойся».

Родители подарили мне беспородного щенка, и я, только что прочитав Чехова, назвал его (её!) Каштанкой, хотя была она белая с большими чёрными пятнами. Во дворе возле нашего крыльца отец сколотил ей будку, где она спала, но бегала по двору совершенно самостоятельно. Возвращаясь из школы, я уже в начале нашего квартала начинал высвистывать эту папину мелодию, и Каштанка со всех ног бежала ко мне с радостным лаем. Но однажды она не откликнулась на мой призыв, я стал звать: «Каштанка! Каштанка!», но и тут она не появилась. Войдя во двор, я узнал, что ночью забежала бешеная собака, как это тогда бывало, и покусала Каштанку. Соседи, понимая, что может произойти в дальнейшем, вызвали особую службу собачников, те приехали, застрелили бедную Каштанку и увезли труп. Долго-долго я горевал и корил себя, что не запирал собаку на ночь в её будке.

Когда арестовали отца и пока шло разбирательство и должен был состояться суд над ним, держали его в ДОПРе — доме общественно-принудительных работ, так тогда назывались обычные тюрьмы. Но когда дело его перешло в ведение «тройки» (тогдашние внесудебные органы, состоявшие из начальника НКВД, прокурора и первого секретаря республиканского комитета ВКП(б)), отца перевели в тюрьму НКВД. Была она недалеко от центра города, выходила замазанными краской окнами прямо на улицу. Однажды мама взяла меня с собой, и мы пошли на эту улицу. Недалеко от тюрьмы мама сказала: «Иди вперёд и, когда будешь проходить мимо, свисти, как ты это делал раньше вместе с папой». И я с видом беззаботно гуляющего мальчика шёл и насвистывал эту нашу мелодию. И вдруг откуда-то со стороны тюрьмы

я услышал такой же ответный свист. Это отец! Никто другой не мог так свистеть! Он услышал, понял, что это я, догадался, что и мама тут же. Значит, он здесь! Он подал нам знак! На секунду я задержался, а потом с новой силой, громче, быстрее, радостнее засвистел нашу позывную, давая понять, что и я услышал, и я понял его, моего дорогого и любимого. Это была последняя весточка нам от него, последняя наша встреча с ним.

Впоследствии, в феврале 1955 г., мать писала генеральному прокурору СССР:

«Я проживала в г. Фрунзе Киргизской ССР вместе с мужем Касаткиным Леонидом Леонидовичем. До ареста он находился там в ссылке после отбытия срока лагеря 3 года и политизолятора 1 год. В 1935 г. он получил паспорт, права гражданства, а 5 июня 1937 года в г. Фрунзе был снова арестован. Когда следствие окончилось, я имела 2 свидания с ним. Очень коротко мой муж сказал мне, что свидетелем в деле указан местный житель Ромодин Аркадий, который ни по работе, ни в личных отношениях никогда не сталкивался с моим мужем и свидетелем согласился выступить под угрозой ареста, что обвинения относятся к тому периоду, в связи с чем он уже без суда, в административном порядке отбыл 1 год политизолятора в 1930 г., что ему приписывают какую-то связь с Гоцем, человеком, которого он ни разу в жизни не видел и никогда не переписывался, что показания о нём написал человек, которого на допросах подвергали жестоким избиениям.

Дело моего мужа было подведомственно спецколлегии. Я пригласила защитника, который вёл дело мужа и имел с ним свидания в тюрьме. Осенью 1937 года на заседании спецколлегии дело рассматривалось и спецколлегия судить отказалась «за отсутствием состава преступления». Тогда дело было оттуда изъято, передано на тройку НКВД, защитнику и мне было отказано в свиданиях с моим мужем, и с тех пор я больше его не видела. На многочисленные мои розыски я получала сообщения, что он осуждён без права переписки, а на последний запрос, в октябре 1954 г., получила ответ из МВД, что «местонахождение его неизвестно».

Я не знаю существа дела моего мужа, но искренно убеждена, что это безукоризненно честный советский человек, был художником, любил своё искусство, с увлечением преподавал живопись киргизской молодёжи, его картины до ареста занимали достойное место в картинной галерее во Фрунзе, и антисоветской деятельностью он не занимался.

Я очень прошу Вас пересмотреть его дело и уверена, что невиновность моего мужа будет установлена».

Касаткин Леонид Леонидович 29 ноября 1937 г. тройкой НКВД Киргизской ССР был приговорён к расстрелу с конфискацией имущества. Приговор приведён в исполнение 8 декабря 1937 г. Но ещё почти 20 лет моя мать и я получали ответы из органов: «приговор — 10 лет без права переписки». А в 1955 г. загс г. Фрунзе выдал свидетельство о его смерти от якобы рака желудка в 1947 г. Приговор был отменён Судебной коллегией Верховного суда СССР 8 июня 1955 г., и дело прекращено за отсутствием состава преступления. А затем Касаткин Леонид Леонидович был и реабилитирован.

К сожалению, у меня нет ни картин, ни записей, ни вещей отца, кроме нескольких зарисовок, сделанных им ещё в детстве и сохранных его сестрой: всё пропало в 1937 г. После его ареста картины исчезли из залов художественной галереи, после ареста матери все более или менее ценные вещи были разграблены сотрудниками НКВД, картины отца, бывшие в доме, уничтожены.

Как много лет спустя мне рассказывали очевидцы — соседи по двору во Фрунзе, все наши вещи вывозили на грузовике. Картины отца не помещались, и сотрудники ногами утаптывали их в машину. Да и сама квартира была захвачена НКВД, здесь отсыпались днём те, кто по ночам участвовал в арестах. Вернувшись утром после очередной «акции», требовали, чтобы соседи закрывали их снаружи на замок до вечера, а затем напивались до бесчувствия. Видимо, только так и можно было им существовать при такой их «работе». В 2007 г. в художественном музее Бишкека мне рассказали, что после ареста Касаткина все его картины сняли и велели уничтожить. Кто-то хотел их сохранить и закопал в саду возле музея. Прошло столько лет, и где это, никто не знает, да и не могли они там сохраниться.

Мать в августе 1937 г. посадила меня на поезд, попросила соседей по купе присмотреть за мной. Поезд до Москвы, где меня должны были встретить родственники отца, шёл от Фрунзе 5 суток, и почти всё это время я простоял у окна тамбура, не желая ни с кем разговаривать. Начиналась у меня новая жизнь — сына «врагов народа» и без матери, без отца. А за матерью уже велась постоянная слежка, и уехать вместе со мной она не смогла бы.

Через восемь лет мать напишет мне: «Я вспоминаю твой отъезд, как ты заболел в дороге, и это было такое мучительное время для меня, когда мне хотелось всё бросить, ничего было не жаль, ни вещей, ни денег, чтобы только быть возле тебя, больного моего мальчика, у меня даже была мысль вылететь на самолёте, но ведь это значило оставить на произвол судьбы Лёнюшку, его могли внезапно отправить, как же мне покинуть его на полное одиночество. Этого моё сердце никак не могло допустить».

В это время произошёл случай, который мог сильно изменить судьбу моей матери. Во фрунзенском музыкально-драматическом театре, где она работала, проводили общее собрание и, как тогда было принято, в президиум собрания заочно выдвинули Сталина, и при этом все встали. Касаткина и сидевшая рядом с ней женщина сделали вид, что не слышали этого, сидели и продолжали оживлённо разговаривать друг с другом. Этот человек был матери ненавистен, а она была прямой, честной и храброй женщиной. Она, конечно, понимала, чем рискует. В те годы этого вполне достаточно было не только для увольнения с работы, но и для вынесения человеку смертного приговора. Но даже угроза смерти не могла вынудить её поступить против своей чести и совести. То ли этого не заметили те, кто мог донести, то ли в НКВД уже было подготовлено решение, но этот случай никак не отразился на судьбе матери.

В октябре 1937 г. М. Г. Касаткина была арестована, а затем больше месяца провела в камере — и ни одного допроса. 29 ноября, в тот же день, когда был вынесен приговор моему отцу, приговорена к 10 годам исправительно-трудовых работ с форму-